
...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

— В результате вашей вчерашней прогулки, господа, — говорит Франк, — в городе появился новый мост из совершенно прозрачного стекла. Можно идти и смотреть, как под ногами течет вода, весьма поучительное зрелище, ничего не скажешь. Вы, вероятно, решили, что он всегда тут был — ну вот, это не так... А в Утином парке повесили качели. Вчера их еще не было, а сегодня с утра уже есть, и выглядят, словно им лет десять, не меньше. Это ведь ты любишь качаться на качелях, сэръ Шульф? Можешь не отвечать, я помню, что любишь. Твой бывший начальник тебя заложил, всего-то два дня и, скажем, так, полторы вечности назад.

— То есть качели появились только потому, что я люблю на них качаться? — уточняет гость. — Любопытные тут у вас причинно-следственные связи, ничего не скажешь.

— Они, будешь смеяться, везде примерно одинаковые, просто здесь все происходит более явно, бросается в глаза. Мир-то новенький, сырой еще, лепи из него что хочешь и пожинай плоды — не через

тысячу лет, сегодня же. А хороший гость, куда бы ни пришел, всегда немного демиург. Ходит, глазает по сторонам, любит окрестностями и сам не замечает, как преображается под его взглядом реальность. Одно досадно — он не знает, как тут все было устроено прежде, до его визита, а потому не ведает, что творит и упускает добрую половину удовольствия. Мой долг как местного старожила сообщить гостю, что можно начинать удивляться. И объяснить почему. И попросить продолжать в том же духе.

— Хорошо, спасибо, я непременно удивлюсь. Но, если можно, не сейчас, а ближе к вечеру. Сперва мне нужно спокойно обдумать все, что вы мне рассказали, а удивление обычно мешает размышлять.

— К вечеру, так к вечеру, — миролюбиво соглашается Франк. — Но смотри, не забудь.

— Ну что ты. Не в моих обычаях забывать обещания. Я тебя не подведу.

Шурф Лонли-Локли и сейчас качается — в садовом гамаке. Меламори забралась на дерево и висит на ветке, вниз головой — ни дать ни взять огромная летучая мышь. Франк восседает на пне, в правой руке у него Тришины садовые ножницы, в левой — стакан с птичьей кровью. Вообще-то он редко при гостях обедает, чтобы не задеть ничьих чувств, но этих-то, ясное дело, не проймешь, так что можно ни в чем себе не отказывать.

— Ставь поднос сюда, — говорит Триша Макс, который вызвался ей помогать. — Да-да-да, вот прямо на траву, ничего ему не сделается. Спасибо тебе.

— Сухое спасибо на хлеб не положишь, — ухмыляется он. — Чур, самый большой бутерброд мой.

Нет, два самых больших бутерброда. Или даже три. Эй, почему я не слышу возражений? Никто не собирается воевать со мной за бутерброды?! Ну нет, так не интересно... Франк, ты говоришь чрезвычайно дельные вещи. То есть ты вообще всегда говоришь дельные вещи, но вот сейчас — особенно. Я всегда подозревал что-то в таком роде, но так и не сумел сформулировать.

— Еще бы ты не подозревал, — кивает Франк.

— И вот, оказывается, почему ты позволил нам взгромоздиться тебе на шею, — торжественно заключает Макс. — А если бы не захотели, нашел бы способ уговорить. Знаю я тебя.

— Ну да. А как еще? Все дела лучше бы доводить до конца, а уж такое великое дело, как этот город, и вовсе нехорошо бросать на полдороге. Ты бы, кстати, дал все-таки имя бедняге. А то «Город» — и все. Непорядок.

— Не умею я городам имена придумывать. И вообще никому, даже кошкам и собакам. Сколько раз приходилось, непременно получалась какая-то глупость, а бедные животные страдали потом. Имена — мое слабое место. Может быть, оно как-нибудь само скажется? Рано или поздно...

— ...так или иначе, ага, — подхватывает Франк. — Как же, как же, знакомая песня. Ладно, имя пока не к спеху, но ты уж, будь добр, если оно действительно когда-нибудь «само скажется», ушами не прохлопай.

— Хлоп, — тут же говорит Макс. — Хлоп, хлоп.

Вид у него при этом вовсе не насмешливый, а очень, очень серьезный.

— Если мечты и желания гостей здесь сами собой сбываются, а воспоминания овеществляются, значит, в окрестных садах уже шастают лисы, — неожиданно объявляет Лонли-Докли. — Кто сочтет это плохой новостью, извините. Вчера меня никто не предупредил, что здесь нужно контролировать свои желания.

— Потому что тебе в кои-то веки не нужно ничего контролировать. И не вздумай. Лисы — это прекрасно, — говорит Франк. — Только они и прежде здесь жили. Рыжие. Я же сам их и развел. А теперь, по твоей милости, еще и серебристые появились. Осталось дожидаться любителя чернобувок, и будет у нас полный комплект. Впрочем, я и от лиловых не откажусь.

— Если на то пошло, некоторых можно подкрасить, — предлагает Триша. — В фиюльне Йурри, например. Она всех желающих красит, хоть в лиловый, хоть в зеленый. А чем лисы хуже людей?

Но ее, кажется, никто не слушает. Ну и ладно, как хотите, думает она, мое дело сторона. Раз так, живите теперь как дураки, без лиловых лисиц, сами виноваты.

— Вот это да! — Меламори подтягивается на ветке и наконец-то принимает обычное положение. — Сэр Шурф, так ты, оказывается, любишь лисиц?

— Это все равно что спросить, люблю ли я людей. Любовь — не то чувство, которое можно испытывать к большому числу живых существ, принадлежащих к одному виду. Было бы странно, если бы я любил всех лисиц без разбора; другое дело, что они будят во мне сентиментальные воспоминания. Когда я был мальчишкой, у меня жил лис. Мы были большие друзья.

Вроде бы о хороших, приятных вещах говорит, а хмуруется. Триша озадачена, но виду, конечно, не подает. Зато подает гостю чашку. Пусть пьет ароматный чай, все лучше, чем грустить неведомо о чем.

Он поблагодарил Тришу церемонным кивком и вдруг, ни с того ни с сего, объявил:

— С вашего позволения, теперь я погуляю один. Это и в обычном-то городе, куда приезжаешь из любопытства и ради развлечения, очень важно — я имею в виду, побродить в одиночку, без спутников, сколь бы хороша ни была компания. А если вечером, или завтра поутру ты, Франк, любезно расскажешь мне, какие еще перемены произошли в городе, я буду тебе чрезвычайно признателен. Кроме всего прочего, это весьма любопытный способ узнать о себе нечто новое.

— Скорее, вспомнить нечто давно забытое, — сочувственно улыбается Макс. — Впрочем, один черт.

— Вот именно.

— Я тебе все любезно расскажу, не сомневайся, — обещает Франк. — Мне, собственно, и самому занято.

— Спасибо. Рад, что могу на тебя рассчитывать.

Выбравшись из гамака с грацией, достойной лучших представителей кошачьего племени — уж кто-кто, а Триша в этом вопросе авторитетный эксперт и готова выставить ему наивысший балл, — Лонли-Докли уходит столь поспешно, словно предстоящая прогулка — это деловая встреча, и Город не простит ему опоздания. Впрочем, кто знает, какие у них сложились отношения. Всякое может быть.

— Библиотеки, — мрачно говорит Макс ему вслед.

— Что?

Они переспрашивают хором, все трое — не то чтобы не расслышали, просто непонятно, о чем это он.

— Библиотеки, — повторяет Макс. И еще раз, по слогам: — Биб-ли-о-те-ки! А еще книжные лавки, букинистические развалы и книгопечатни... надеюсь хоть не газетные киоски. На каждом углу — это если сэр Шурф все-таки будет держать себя в руках. А если нет, все вокруг станет библиотеками. Забудьте, что в этом городе когда-то были жилые дома, кондитерские лавки и сапожные мастерские. Попрощайтесь с ними прямо сейчас. Уж я этого парня знаю.

И совсем он не мрачный, а изо всех сил сдерживает смех.

— Поживем — увидим, — говорит Франк. — Но готов спорить на дюжину монет, что кондитерские все-таки выживут. Однако шило в заднице у твоего друга, пожалуй, даже длиннее, чем у тебя, — подумав, добавляет он. — Хотя на первый взгляд не скажешь.

— У меня-то в заднице может быть, конечно, и шило, — ухмыляется Макс. — Зато у него — натуральная мизерикордия.

— Что?

— Мизерикордия. Переводится как «милосердие». Такой специальный полезный кинжал, чтобы добывать раненых, — скороговоркой отвечает он. — А то лежат, мучаются, стонут — бардак. Раздражает.

Ответом ему недоуменное молчание. «Эк его все-таки занесло, — думает Триша. — Раненые какие-то, и кто-то их добывает зачем-то вместо того, чтобы лечить, — ничего не понимаю».

И, кажется, не только она так думает.

— Ну что вы все на меня так смотрите? Ничего особенного я не сказал. Быть живым человеком в большинстве случаев очень больно, — почти сердито говорит Макс. — В каком-то смысле, живой — это и есть раненый. Можно быть великим колдуном, а можно — невежественным фермером, один хрен, обоим примерно одинаково больно. Вопрос, строго говоря, только в том, кто чем себя глушит. Пребывать в шкуре сэра Шурфа — то еще удовольствие, честно говоря, зато и наркоты он себе выбрал достойный. Любопытство и жажда новых знаний делают совершенно восхитительной жизнь, которая теоретически должна бы стать невыносимой. Мне у него еще учиться и учиться. С другой стороны, я даже в худшие свои дни куда меньше нуждался в обезболивании. Быть мной, по большей части, легко и приятно — насколько это вообще возможно.

— А. Вот теперь понятно, — кивает Меламори. — Наверное... Да нет, не «наверное», а так оно и есть. «Мизерикордия», ну и штука! Надо бы слово запомнить — красивое. Лучше любого фугательства.

— Только картину мира ты нарисовал очень уж мрачную, — улыбается Франк. — Отчасти ты, конечно, прав, но это далеко не вся правда про живых людей. Примерно одна тысячная часть правды, поверь мне. Чего-чего, а времени для наблюдений и выводов у меня было предостаточно.

— Хорошо, если так, — соглашается Макс. — Моя позиция, как ты понимаешь, не из тех, что хочется отстаивать до последней капли крови. Если я дурак, тем лучше для всех.

— Ты не дурак. Просто живешь не очень долго — по крайней мере, в этой шкуре. Но это, как ты понимаешь, поправимо. Уже завтра утром ты будешь гораздо старше, чем сегодня. На целый день, только подумай!

— Не могу представить, воображение отказывает.

Макс смеется и кривляется, куда только подевалась давешняя мрачность. Вот и хорошо, не нужно ему мрачным быть. Триша — сторонница размеренной жизни. Ей совсем не скучно без землетрясений, наводнений и пыльных бурь.

Гость, о котором так много говорили, вернулся незадолго до начала сумерек, когда щенки тумана выбираются из-под кустов и ластятся ко всем, кого застанут в саду, а изумрудно-зеленая крылатая мелочь слетается к незажженным еще лампам. Эту мошкару притягивает только обещание света, чем гуще сумерки, тем азартнее их копошение, а когда лампы наконец загорятся, они тут же разлетятся по темным комнатам и будут ждать света там. Зато в помещении, где лампу уже погасили, не задержатся и на секунду.

Франк как раз принялсЯ колдовать над котлом, где вафились розовые бутоны и тонкие ломти свежего имбирного корня. Объяснил Трише, что это — новый, неопробованный еще рецепт. Если остудить цветочно-имбирное зелье на вечернем ветру, а потом сварить на нем кофе, добавив одиннадцать крупиц белого перца, получится настоящий волшебный эликсир, после кружки которого можно плясать, не останавливаясь,

до рассвета, да еще по ходу дела нечаянно перемыть всю посуду, побелить стены и нарубить дров на месяц вперед. И, конечно, немного досадно, что среди гостей нет ни одного простуженного, а то бы и простуду можно было вылечить заодно, но тут уж ничего не поделаешь, ладно, пусть.

— Если это действительно очень важно, я могу попробовать простудиться, — вежливо говорит Шуфф Лонли-Локли, усаживаясь за стол. — Мне никогда прежде не доводилось ставить перед своим телом такую задачу, но, теоретически, ничего невозможного тут нет. Вряд ли заболеть труднее, чем излечиться.

— Спасибо, — кивает Франк. — Это очень великодушное предложение. Но, по правде сказать, мне совсем не нужны простуженные гости. Просто некоторые напитки любят, чтобы повар ворчал, пока их готовит. А некоторые, напротив, требуют молчания. А когда завариваешь бифюзовый чай, неплохо бы посмеяться прямо в чайник, я имею в виду, снять крышку и поднести чайник ко рту, чтобы ни единый смешок не пролетел мимо, а то придется потом с пола поднимать, мыть, сушить и откладывать на черный день... Впрочем, к последней рекомендации не стоит относиться серьезно, на кухне я иногда становлюсь слишком скаредным, Триша подтвердит.

— Да уж, иногда на тебя находит, — честно сказала Триша. — Если бы ты свои смешки сам мыл, еще полбеды, а то ведь меня всегда заставляешь. — И, не утерпев, спросила гостя: — Ты как погулял-то?

— А вот даже не знаю, что тебе на это сказать.